Илья Муромец и Идолище (2)

Как сильноё могучо-то Иванищо, Как он Иванищо справляется, Как он-то тут Иван да снаряжается Итти к городу еще Еросо́лиму, Как господу там богу помолитися, Во Ёрдань там реченки купатися, В кипарисном деревци сушитися. Господнёму да гробу приложитися. А сильнё-то могучо Иванищо, У ёго лапотци на ножках семи шелков, Клюша-то у его ведь сорок пуд. Как ино тут промеж-то лапотци поплетены Каменья-то были самоцветныи. Как меженный день да шел он по красному солнышку, В осенну ночь он шел по дорогому каменю самоцветному, Ино тут это сильное могучеё Иванищо Сходил к городу еще Еросо́лиму, Там господу-то богу он молился есть. Во Ёрдань-то реченки купался он, В кипарисном деревци сушился бы, Господнему-то гробу приложился да. Как тут-то он Иван поворот держал, Назад-то он тут шел мимо Царь-от град. Как тут было еще в Цари-гради Наехало погано тут Идолищо, Одолели как поганы вси татарева, Как скоро тут святыи образа были поколоты Да в черны-то грязи были потоптаны, В божьих-то церквах он начал тут коней кормить. Как это сильно могуче тут Иванищо Хватил-то он татарина под пазуху, Вытащил погана на чисто поле А начал у поганого доспрашивать: — Ай же ты, татарин да неверный был!

А ты скажи, татарин, не утай себя:

Какой у вас погано есть Идолищо, Велик ли-то он ростом собой да был?

Говорит татарин таково слово:

- Как есть у нас погано есть Идолищо
- В долину две сажени печатныих,

А в ширину сажень была печатная,

А головищо что ведь люто лохалищо,

А глазища что пивныи чашища,

А нос-от на роже он с локоть был.

Как хватил-то он татарина тут за руку,

Бросил он ёго в чисто полё,

А розлетелись у татарина тут косточки.

Пошел-то тут Иванищо вперед опять,

Идет он путем да дорожкою,

На стречу тут ему да стречается

Старыи казак Илья Муромец:

- Здравствуй-ко ты, старыи казак Илья Муромец! Как он ёго ведь тут еще здравствует:
- Здравствуй, сильноё могучо ты Иванищо!

Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,

А ты откуль еще свой да путь держишь?

— А я бреду, Илья еще Муромец,

От того я города Еросо́лима.

Я там был ино господу богу молился там,

Во Ёрдань-то реченки купался там,

А в кипарисном деревци сушился там,

Ко господнему гробу приложился был.

Как скоро я назад тут поворот держал,

Шел-то я назад мимо Царь-от град.

Как начал тут Ильюшенка допрашивать,

Как начал тут Ильюшенка доведывать:

— Как всё ли-то в Цари-гради по-старому,

Как всё ли-то в Цари-гради по-прежному?

А говорит тут Иван таково слово:

— Как в Цари-гради-то нуньчу не по-старому,

В Цари-гради-то нуньчу не по-прежнему.

Одолели есть поганыи татарева,

Наехал есть поганое Идолищо,

Святыи образа были поколоты,

В черныи грязи были потоптаны,

Да во божьих церквах там коней кормят.

— Дурак ты, сильноё могучо есть Иванищо!

Силы у тебя есте с два меня,

Смелости, ухватки половинки нет.

За первыя бы речи тебя жаловал,

За эты бы тебя й наказал

По тому-то телу по нагому!

Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?

Как ино скоро розувай же с ног,

Лапотци розувай семи шелков,

А обувай мои башмачики сафьяныи.

Сокручуся я каликой перехожею.

Сокрутился е каликой перехожею,

Дават-то ему тут своего добра коня:

— На-ко, сильноё могучо ты Иванищо,

А на-ко ведь моего ты да добра коня!

Хотя ты езди ль, хоть водком води,

А столько еще, сильное могучо ты Иванищо,

Живи-то ты на уловном этом местечки,

А живи-тко ты еще, ожидай меня,

Назад-то сюды буду я обратно бы.

Давай сюды клюшу-то мне-ка сорок пуд.

Не дойдет тут Ивану розговаривать,

Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,

Взимат-то он от ёго тут добра коня.

Пошел тут Ильюшенка скорым-скоро

Той ли-то каликой перехожею.

Как приходил Ильюшенка во Царь-от град.

Хватил он там татарина под пазуху,

Вытащил его он на чисто полё,

Как начал у татарина доспрашивать:

— Ты скажи, татарин, не утай себя,

Какой у вас невежа есть поганый был,

Поганый был поганое Идолищо?

Как говорит татарин таково слово:

— Есть у нас поганоё Идолищо

А росту две сажени печатныих,

В ширину сажень была печатная,

А голови́що что ведь лютое лохалищо, Глазища что ведь пивныя чашища, А нос-от ведь на рожи с локоть был.

Хватил-то он татарина за руку, Бросил он ёго во чисто́ поле, Розлетелись у ёго тут косточки. Как тут-то ведь еще Илья Муромец Заходит Ильюшенька во Царь-от град, Закрычал Илья тут во всю голову:

— Ах ты царь да Костянтин Боголюбович! А дай-ка мне калики перехожии

Злато мне, милостину спасеную.

Как ино царь-он Костянтин-он Боголюбович Он-то ведь уж тут зра́довается. Как тут в Цари́-гради от крыку еще каличьего Теремы-то ведь тут пошаталися, Хрустальнии оконнички посыпались, Как у поганого сердечко тут ужа́хнулось. Как говорит поганой таково слово:

— А царь ты Костянтин Боголюбов был! Какой это калика перехожая?

Говорит тут Костянтин таково слово:

- Это есте русская калика зде.
- Возьми-ко ты каликушку к себе его, Корми-ко ты каликушку да пой его, Надай-ко ему ты злата-се́ребра, Надай-ко ему злата ты до́люби.

Взимал он царь Костянтин Боголюбович, Взимал он тут каликушку к себе его В особой-то покой да в потайныи, Кормил-поил калику, зрадова́ется, И сам-то он ему воспрого́ворит:

— Да не красное ль то солнышко поро́спекло, Не млад ли зде светел месяц поро́ссветил? Как нунечку-топеречку зде еще Как нам еще сюда показался бы Как старыи казак здесь Илья Муромец. Как нунь-то есть было топеречку От тыи беды он нас повыручит,

От тыи от смерти безнапрасныи!

Как тут это поганое Идолищо

Взимает он калику на доспрос к себи:

— Да ай же ты, калика было русская!

Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,

Какой-то на Руси у вас богатырь есть,

А старыи казак есть Илья Муромец?

Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,

По многу ль еще пьет зелена́ вина?

Как тут эта калика было русская

Начал он калика тут высказывать:

— Да ай же ты, поганоё Идолищо!

У нас-то есть во Киеви

Илья-то ведь да Муромец

А волосом да возрастом ровным с меня,

А мы с им были братьица крестовыи,

А хлеба ест как по три-то колачика крупивчатых,

А пьет-то зелена вина на три пятачка на медныих.

— Да чорт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь был!

А был бы-то ведь зде да богáтырь тот,

Как я бы тут его на долонь-ту клал,

Другой рукой опять бы сверху прижал,

А тут бы еще да ведь блин-то стал,

Дунул бы его во чисто поле!

Как я-то еще ведь Идолищо

А росту две сажени печатныих,

А в ширину-то ведь сажень была печатная,

Головищо у меня да что люто лохалищо,

Глазища у меня да что пивныи чашища,

Нос-от ведь на рожи с локоть бы.

Как я-то ведь да к выти хлеба ем

А ведь по три-то печи печоныих,

Пью-то я еще зелена вина

А по три-то ведра я ведь мерныих,

Как штей-то я хлебаю — по яловицы есте русскии.

Говорит Илья тут таково слово:

— У нас как у попа было ростовскаго

Как была что корова обжориста,

А много она ела, пила, тут и трёснула,

Тебе-то бы поганому да так же быть! Как этыи тут речи не слюбилися, Поганому ему не к лицу пришли, Хватил как он ножищо тут кинжалищо Со того стола со дубова, Как бросил ён во Илью-то Муромца, Что в эту калику перехожую. Как тут-то ведь Ильи не дойдет сидеть, Как скоро ён от ножика отскакивал, Колпаком тот ножик приотваживал. Как пролетел тут ножик да мимо-то, Ударил он во дверь во дубовую, Как выскочила дверь тут с ободвериной, Улетела тая дверь да во сини-ты, Двенадцать там своих да татаровей На мертво убило, друго ранило. Как остальни татара проклинают тут:

— Буди трою проклят, наш татарин ты! Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,

Скоро он к поганому подскакивал,

Ударил как клюшой ёго в голову,

Как тут-то он поганый да захамкал есть.

Хватил затым поганого он за ноги,

Как начал он поганым тут помахивать,

Помахиват Ильюша, выговариват:

Вот мне-ка, братцы, нуньчу оружьё по плечу пришло.

А бьет-то, сам Ильюша выговариват:

— Крепок-то поганый сам на жилочках,

А тянется поганый, сам не рвется.

Начал он поганых тут охаживать

Как этыим поганыим Идолищом.

Прибил-то он поганых всих в три часу,

А не оставил тут поганаго на симена.

Как царь тут Костянтин-он Боголюбович

Благодарствует его, Илью Муромца:

— Благодарим тебя, ты старыи казак Илья Муромец!

Нонь ты нас еще да повыручил,

А нонь ты нас еще да повыключил

От тыи от смерти безнапрасныи.

Ах ты старыи казак да Илья Муромец! Живи-тко ты здесь у нас на жительстве, Пожалую тебя я воеводою.

Как говорит Илья ёму Муромец:
Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у тя стольки я три часу,
А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимера,
Служил я у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкии,
А не выслужил-то я слова там гладкаго,
Слова у его я уветлива есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мне зде-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
Оставлен есть оста́веш на дороженки.

Как царь-тот Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста се́ребра.
Как принимал Ильюшенка, взимал к себе.
Высыпал-то в карман злато-се́ребро,
Тот ли-то этот скачный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
— Это ведь мое-то зарабочее.

Как тут-то с ца́рём Костянтином распростилиси,

Тут скоро Ильюша поворот держал.
Придет он на уловно это ми́стечко,
Ажно тут Иванищо притаскано,

Да ажно тут Иванищо придерзано.

Как и приходит тут Илья Муромец,

Скидывал он с се́бя платья-ты каличьии,

Розувал лапотьцы семи шелков,

Обувал на ножки-то сапожки сафьянныи,

Надевал на ся платьица цветныи,

Взимал тут он к себе своего добра́ коня,

Садился тут Илья на добра́ коня,

Тут-то он с Иванищом еще распрощается:

— Прощай-ко нунь ты, сильноё могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганыих.
Да поехал тут Ильюшенка во Киев-град.

(Записано 26 июля 1871 года от крестьянина деревни Бураковой Пудожского уезда, Никифора Прохорова, 51 года.)

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4, т. I, 1949. М. — Л.